

АРКАДИЙ ГАЙДАР

В ДНИ
ПОРАЖЕНИЙ И
ПОБЕД

Аркадий Гайдар
В дни поражений и побед

«Public Domain»

1926

Гайдар А. П.

В дни поражений и побед / А. П. Гайдар — «Public Domain»,
1926

«Москва.Пятницкая, 48.Пониже прибитой красной звезды надпись: «9-е Советские Командные Курсы Рабоче-Крестьянской Красной Армии».Во дворе Сергея сразу же удивили толкотня и разговоры. Бегали курсанты, таскали на грузовики доски и столы. Куда-то волокли набитые соломой тюфяки, а у стены наваливали в огромную груду деревянные топчаны...»

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	6
III	8
IV	9
V	11
VI	15
VII	17
VIII	19
IX	21
X	23
XI	24
XII	26
XIII	27
XIV	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Аркадий Гайдар

В дни поражений и побед

Часть первая

I

Сергей получил от приятеля такое письмо:

«Ты, по всей вероятности, думаешь, что я спокойно сижу на агиткурсах, куда послал меня Комсомол, но в таком случае ты глубоко ошибаешься. Не в моем характере работать словом тогда, когда можно агитировать руками, а потому с агитационных я ушел на Командные Курсы Красной Армии, где нахожусь уже 2-ю неделю. Через 10 дней мы в полном составе уезжаем в только что очищенную от петлюровцев Украину – в Киев. Ты себе представить не можешь, как рады этому все наши ребята. Еще бы! Работа в этой стороне должна быть живой и интересной. Мой горячий совет тебе: бери немедленно документы и аттестации из Горкома и валяй тоже вместе с нами. Будем работать и учиться вдвоем. Только решай скорей – времени осталось мало. Жду тебя. А пока крепко жму твою лапу. Прощай.
Твой Колька».

Внизу подле набросанной чернилами пятиконечной звезды, совсем не отличавшейся пропорциональностью линий, следовала приписка: *«Да здравствует Красная Армия и ее надежный пролетарский Комсостав»*.

Получив это письмо, Сергей думал не больше пяти минут, подошел к матери и сказал:

– Завтра я уезжаю.

– Куда? – несколько побледнев, спросила она.

– В Москву, а затем на Украину. В армию, – добавил он.

Спорить было бесполезно, да мать и не спорила. С грустью посмотрела она на него, вспомнила об убитом на войне муже и только тяжело вздохнула.

Документы Сергей получил хорошие.

II

Москва.

Пятницкая, 48.

Пониже прибитой красной звезды надпись: «9-е Советские Командные Курсы Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Во дворе Сергея сразу же удивили толкотня и разговоры. Бежали курсанты, таскали на грузовики доски и столы. Куда-то волокли набитые соломой тюфяки, а у стены наваливали в огромную груду деревянные топчаны.

– Товарищ, – обратился Сергей к стоявшему у ворот курсанту (судя по штыку – дневальному). – Как мне в канцелярию пройти?

– В канцелярию? – переспросил тот, – вот уж, право, не знаю. Была раньше вон там, – показал он рукою, – но еще утром сегодня оттуда уже все повыволокли. А вам зачем туда?

– Документы сдать. Я на курсы приехал.

– А! – улыбнулся тот. – Так вы жарьте к комиссару. Егоров! – окликнул он одного из проходивших. – Проводи товарища к комиссару.

Сергей пошел со своим проводником через длинный ряд комнат, носивших на себе следы все того же разгрома.

– Завтра уезжаем, – весело пояснил его проводник. – А вы что? К нам что ли приехали?

– К вам.

– Ну вот и хорошо, что во-время еще захватили, а то пришлось бы вам оставаться где-нибудь в Москве.

Сергей согласился, что точно хорошо.

Вот и комиссар. Сергей отворил дверь и вошел. Напротив, за столом, заваленным бумагами, сидел человек лет 40–45.

– Поздновато, – окинул он взглядом Сергея, вручившего ему бумаги, – поздновато. Канцелярия уже упакована.

Сердце Сергея дрогнуло. Комиссар о чем-то думал.

– Строй проходили?

– Проходил.

– Где?

– В боевой дружине коммунистов.

– Так вы – член партии? – уже более мягко спросил он.

– Да.

– Знаете ли вы, что служба курсанта трудна и что с вас много будет спрашиваться?

– Знаю, – твердо ответил Сергей. – Но тем не менее решил пройти ее и последующую за ней службу красного командира до конца.

Комиссар взглянул на него, улыбнулся и, написав что-то на клочке бумаги, подал написанное Сергею.

– Оставьте ваши документы, а это передайте командиру первой роты.

Среди суматохи, царившей на дворе, Сергей не без труда нашел командира первой роты. У того в это время шла горячая работа – погрузка цейхгауза. Едва взглянув на записку, он окрикнул выглядывавшего из-за груды шинелей курсанта.

– Эй, старшина!.. Лебедев! Передай-ка товарища в первый взвод.

Старшина, невысокий, крепкий, с солдатской походкой, выдававшей в нем старого унтера, повел Сергея на самый верх.

– Вот, – сказал он, обращаясь к взводному курсанту, – возьми его, брат, к себе на попечение.

– Ставь свою сумку сюда, – проговорил тот, переходя сразу на ты. – А спим мы сами вторые сутки на голых досках. Обойдется до завтраго-то.

– Обойдется, – засмеялся Сергей.

Он примостил свои вещи в угол к пустой койке, умылся под водопроводным краном, потом решил сходить поискать Николая.

– Вы его не найдете, – сказал ему первый, кого он спросил, – он в карауле на вокзале. Завтра в десять им смена будет, тогда и придет.

«Жаль, – подумал Сергей. – И сходить нельзя, очень уж далеко».

От нечего делать он отправился во двор. Сначала глядел, а потом и сам стал грузить цейхгауз, мебель из клуба, библиотеку, огневые припасы. Проработав наравне со всеми до самого вечера, он, усталый, но возбужденный работой и новыми впечатлениями, наконец добрался до своего жесткого ложа. Подложил под голову шапку, патронташ, укрылся шинелью, и почти тотчас крепко заснул.

Утром он снова работал на дворе. Погрузка уже близилась к концу. Он нес вместе с тремя курсантами последний ящик с книгами, когда вдруг увидел возвращающийся с вокзала караул. Присмотревшись, он сразу узнал Николая и окликнул его. Тот удивленно взглянул и подбежал к нему с оживленными и радостными расспросами:

– Как? И ты здесь?

– Как видишь.

– Давно?

– Со вчерашнего дня.

Николай помог взвалить ящик на грузовик, и они отправились в помещение.

– Втроем-то мы ух как загуляем на Украине, – сказал Николай, усаживаясь рядом с другом на голом топчане.

– Как втроем? – переспросил несколько удивленный Сергей.

– А! ты еще не знаешь! – спохватился тот и завопил: – Володька! Володька!.. Егоров! Вот! – продолжал он, указывая на подходившего к ним курсанта. Сергей узнал в нем своего вчерашнего провожатого. – Это и есть третий.

– Мы уж знакомы, – перебил его тот. И три новых друга уселись вместе и начали оживленно болтать.

Случай свел новых товарищей в один взвод первой роты. Ростом они были разные. Николай стоял вторым от правого фланга, Сергей – посредине, а Владимир – на левом.

III

Напоследок все особенно много бегали и сустились. А вот и сигнал: «повестка» или «сбор». С подсумками и винтовками выбегают курсанты. Запыхавшийся завхоз торопит какую-то отставшую подводу.

Раздается команда:

– ...Станови-и-ись...

– Командир батальона, – шепчет Сергею, убегая на свое место, Владимир.

Длинная, длинная серая лента, – шестьсот человек. Роты рассчитаны. Музыканты на местах.

– Батальон, смирно. Под знамя. Слуш-а-ай. На-караул. Раз... два!.. – Ровная щетина стальных штыков.

Потом вновь раскатывается протяжная команда:

– Батальон направо. Отделениями правые плечи вперед. Ша-агом марш.

Затем – коротко и резко:

– Прямо.

И батальон двинулся под раскаты боевого марша.

* * *

На вокзале быстро погрузились в вагоны.

Двадцать теплушек с курсантами, классный вагон со штабом, а дальше – платформы с кухнями и двуколками.

Отправление было назначено через час.

Николай пошел за кипятком на станцию, Владимир – в цейтгауз – получать на троих хлеб и сахар.

В вагоне было тепло от топившейся железной печки, шумно и весело. Через полуоткрытую дверь мелькнула голова пробегающего мимо дежурного по эшелону комроты. Вздрыгнул состав от толчка прицепившегося паровоза. Прозвучал последний сигнал, и поезд тронулся. Несмотря на вечерний холод, курсанты разом распахнули двери и окна.

– Прощай, Москва!

– До свидания!

– Счастливо оставаться!

Запели:

«Прощайте, матери, отцы, прощайте, жены, дети,
мы победим, – народ за нас!
Да здравствуют Советы!»

Стало уже совсем темно. Тысячи огненных искр летали и кружились за окнами. Мерно постукивали колеса и мощно ревел, ускоряя свой ход, паровоз.

IV

Мелькали грязные серые деревушки; с покрытых снегом полей бежали мутные ручьи, леса стояли черные и голые. Но чем дальше уходил эшелон к югу, тем зеленее и приветнее становились рощи и поля, а там, где впервые начали попадаться белые мазанки хуторков, было уже совсем по-весеннему сухо и тепло.

На одной из небольших станций Сергей в первый раз увидел начальника курсов.

Он шел рядом с комбатом и говорил ему коротко и сухо:

– Вы останетесь за меня. На станции Конотоп мы со вторым эшелоном вас нагоним.

– Слушаю, – ответил комбат. И они прошли мимо.

«Так вот он какой», – подумал Сергей, входя в вагон.

На следующей станции испортилось что-то в паровозе. Пользуясь вынужденной остановкой, дежурный по эшелону распорядился выдать обед раньше времени. Паровоз чинили долго – курсанты уже успели отобедать, уже какой-то товарный поезд проскочил мимо скучающего эшелона, – а они все еще стояли.

Наконец раздались три жиденьких свистка. Застучали колеса. Обрадованный Владимир принялся мастерить что-то своим крепким перочинным ножом.

– Ты что это делаешь? – спросил у него Сергей.

– Пропеллер! – шутя ответил тот. – Сейчас приделаю к вагону, и эшелон полетит как аэроплан.

Через полчаса он действительно смастерил пропеллер, и тот с веселым жужжанием завертелся на-ходу.

Однако, хитрая штука не помогла поезду. Даже, наоборот, паровоз тревожно загудел и вдруг круто затормозил, останавливаясь на небольшом разъезде, перед человеком с красным флагом на путях.

– В чем дело? – кричал, подбегая, дежурный по эшелону.

Маленький железнодорожник, путаясь, скороговоркой ответил:

– Впереди, в пяти верстах, крушение, – товарный разбился!

– С встречным что ли столкнулся?

– С рельс сошел? – посыпались вопросы.

– Нет! – испуганно ответил тот. – Была банда... разобрала путь.

Взводные командиры роздали из раскупоренных ящиков боевые патроны. Громящая щитом, забирается пулемет на паровоз. Двери и окна открыты, и без гудков, без свистков бесшумно эшелон продвигался вперед. Сергей лежал на верхних нарах рядом с Владимиром и зорко всматривался в медленнодвигающуюся чашу леса.

– Смотрите! смотрите! – вдруг заговорили кругом. – Вон... видно...

Впереди, в пятидесяти саженях, чернели разбитые вагоны товарного поезда, недавно обогнавшего эшелон. Рядом стояли два человека и больше никого.

Поезд остановился... Первый взвод быстро выскочил из вагона. Вот и место крушения, около которого стоит путевой сторож.

– Нету, – кричит он подбегающим, – нету, ушли бандиты.

Сергей прошел мимо разбитых вагонов и, вздрогнув, остановился невольно. На лужайке подле сваленного расщепленного вагона лежали три изуродованных трупа.

Напрасно вторая рота до поздней ночи обыскивала кругом окрестность, – шайка пропала бесследно, ничего не тронув и не разграбив.

Старик-сторож из соседней будки рассказывал: обходя линию, он заметил до двадцати вооруженных людей, развинчивавших гайки и накладывавших рельсы поперек пути. Он быстро повернул и побежал домой к телефону, чтобы предупредить несчастье. Но дома у аппа-

рата он застал двух человек с винтовками, спокойно справлявшихся у разъезда о времени выхода поезда.

Не успел он опомниться, как получил прикладом по спине и очутился запертым в небольшом чулане. Через несколько минут бандиты вышли. С большим трудом он выбрался через узенькое окошко. В это время мимо промчался товарный, и через несколько минут послышался страшный грохот. Прибежав на место крушения, он нашел только одного уцелевшего кондуктора, с которым и вытащили они из-под обломков четыре трупа – машиниста, кочегара и двоих из бригады.

– А знаете, что я вам скажу, – обратился к товарищам Николай. Ведь крушение-то, должно быть, предназначалось нам.

– Как?.. Почему? – слышались удивленные голоса.

– А вот почему. Если бы наш паровоз не попортился на последней станции, где мы обедали, и если бы его не чинили так долго, то раньше прошел бы наш эшелон. Странно и то, что ничего не тронута и не разграблено. Очевидно рельсы выворачивались не для этой цели.

– Да как же впереди могли знать, что следует наш эшелон?

– Уж не предупредил ли какой-нибудь телеграфист-петлюровец?

Все согласились, что предположение очень и очень правдоподобно.

Ночью пришел вспомогательный поезд с рабочими, а утром эшелон с курсантами по очищенному пути двинулся снова вперед.

На станции Конотоп их догнал второй эшелон.

Начальник курсов, выслушав доклад командира батальона, нахмурил брови и пошел в вагон к комиссару.

Три звонка... сигнал, и опять дальше, дальше. Конец пути прошел без приключений и, проснувшись рано утром на пятый день путешествия, через раскрытые окна и двери увидели курсанты столицу Украины – Киев.

V

Огромное трехэтажное здание бывшего кадетского корпуса, способное вместить в себя чуть ли не дивизию. Впереди корпуса – красивый зеленый сад с фонтаном, справа – широкий, обсаженный тополями плац для строевых занятий, а позади, подле высокой каменной стены большого двора, – густая, зеленая роща.

Первую роту поместили наверху в просторных светлых комнатах с окнами, выходящими в рощу. В различных частях корпуса стали размещаться комсостав, его семьи, служащие, музыкальная команда, околоток, похожий по оборудованию на лазарет, всевозможные цейхгаузы, классы, кабинеты.

Весь день кипела работа. Часам к пяти, когда койки были расставлены, а матрацы набиты, курсантам объявили, что они свободны, и для первого дня желающие могут, даже без увольнительных, отправляться в город.

– Ты пойдешь куда-нибудь? – спросил Николай у Сергея.

– Нет. Не хочется что-то.

– Ну, а я пойду. По делам, – добавил он.

– Какие же у тебя могут тут быть дела? – удивился Сергей.

– В поиски, брат. У моей матери тут где-то сестра живет, то-есть, значит, моя собственная тетка. Но кроме того, что она живет на какой-то Соломинке, я ничего не знаю.

Он ушел, а Сергей и Владимир спустились вниз, повернули налево за угол и очутились в роще. Воздух был теплый, пряный и немножко сыроватый.

Приятельки прошли через небольшое болотце. Потом поднялись в гору и добрались до того места, где проходила линия железной дороги. Тут роща обрывалась, и дальше шли овраги и поля.

Лежа под деревом, они разговорились.

– Ты добровольцем пошел? – спросил Сергей.

– Ага, – ответил тот. – Когда отца убили, я убежал и поступил в первый попавшийся отряд.

– Кто убил?.. От кого убежал?

Владимир рассказал о том, как в Луганске к ним нагрянула банда Краснова, а у его отца скрывался раненый коммунист. После чьего-то доноса отца повесили, коммуниста замучили, а он сам, выпрыгнувши из окошка, разбил себе здорово голову, но все же убежал.

– Сволочи какие! – заметил Сергей.

– Ничего не сволочи, – возразил Владимир. – Были бы наши на их месте – то же самое сделали бы.

– То-есть как это?

– А так. Поживешь вот, увидишь. Потому что враги-то мы уж очень непримиримые, – пояснил он. – Конечно, издеваться – вон как петлюровцы: шомполами, нагайками да четвертования шашками, – это мы не будем, но ведь я и сам не задумался бы уничтожить при удобном случае всякого врага.

– Но раненый?

– Раненый? – усмехнулся Владимир. – Посмотрел бы ты, как этот раненый всаживал пулю за пулей из нагана в дверь, когда к нему ломились. Офицер так и тухнул. Жаль только, что своя последняя осечка дала. Вот и попался. Нет, брат, – прибавил он, немного подумавши. – Коммунист может быть или у своих – живым, или у врагов – мертвым. А... раненый? Слишком уж это дорого будет ему стоить...

Пока приятельки разговаривали, Николай разыскивал тетку.

Соломинка оказалась совсем рядом, и он без труда узнал от первой же повстречавшейся хохлушки, где живет Марья Сергеевна Агорская.

Подошел к беленькому домику с небольшим садом, засаженным кустами сирени, и остановившись заглянул сначала в щелку забора.

За небольшим столиком в саду сидели две женщины и пили чай. Внимательно приглядевшись, он узнал в одной из них свою тетку.

Николай отворил калитку.

Обе старухи испуганно смотрели на него, но он уверенно подходил к столу.

– Здравствуйте, тетя.

– Что?.. Что такое? – с беспокойством спросила одна из сидящих.

– Не узнали, должно быть? Николай, ваш племянник.

– Ах, батюшки мои! – взмахнула тетка руками. – Да откуда же ты? Ну, иди, поцелуемся.

– Эммочка, Эмма, – закричала она после первых приветствий, – иди сюда, беги скорее, смотри, кто к нам пришел.

На ее зов из двери выбежала девушка лет девятнадцати в ситцевом беленьком платьице, с книжкой в руках, и удивленная остановилась.

– Твой двоюродный брат. Да поздоровайся же, чего же столбом стоять?

– Здравствуйте, – подошел к ней Николай, протягивая руку.

– Здравствуйте, – ответила Эмма.

– Да вы что? – вскричала тетка. – Или на балу познакомились? Вместе на стульях верхом катались, а теперь з-д-р-а-в-с-т-в-у-й-т-е!

– Это еще от непривычки, – звонко засмеявшись, сказала Эмма. – Садись пить чай.

Николай сел. Старуха засыпала его разными вопросами.

– Ну, как мать, сестры?

– Ничего, живут.

– А отец? Ох! – вздохнула она, – непутевый он у тебя был. Наверно в большевики пошел.

Николаю ничего не оставалось делать как подтвердить, что отец точно «в большевики пошел».

– А ты что в эдаком облачении? – ткнула она пальцем на его гимнастерку. – Или тоже забрали?

– Забрали, – уклончиво ответил Николай. Он не хотел сразу огорчать ее.

– Вот что... В полку что ли служишь?

– Нет, на курсах учусь.

– Учишься? – протянула она. – Юнкер значит вроде как? Ну, доброволец видно, а то и коммунист, пожалуй?

– Мама, – прервала ее Эмма. – Уже давно звонили. Опоздаете намного.

– Правда, правда, – засуетилась старуха. – Не пропустить бы. Поди уж «от Иоанна» читают.

Вскоре обе старухи ушли, и Николай остался с Эммой вдвоем.

Далеко чуть-чуть звонили колокола.

Николай посмотрел на Эмму и улыбнулся.

– Слушайте, то-есть, слушай, – поправился он. – Если бы не я, то ты верно тоже пошла бы в церковь?

– Пошла бы, – ответила она. – Сегодня служба большая. А ты, должно быть, никогда не ходишь?

– Никогда.

– Почему? Значит правда, что ты – коммунист?

– Правда, Эмма.

– Жаль.

– Почему же? Я так только горжусь этим.

– А потому, что пропадешь и ты, когда коммунистов разобьют. А во-вторых – без веры все-таки очень нехорошо.

– Но позволь, – удивился Николай. – Во-первых, почему ты знаешь, что нас разобьют? Мы и сами на этот счет не промахнемся. А во-вторых, мы тоже не совсем без веры.

– Какая же у тебя вера? – засмеялась она. – Уж не толстовская ли?

– Коммунистическая! – горячо ответил Николай. – Вера в свое дело, в человеческий разум и торжество не небесного, а земного, нашего царства – справедливого труда. А главное, – вера в свои руки и только в собственные силы, с помощью которых мы этого достигнем.

Эмма удивленно посмотрела на него.

– О! Да ты – фанатик.

– А ты – разве нет?

– Нет, – на минуту задумавшись, уклончиво ответила она, потом хотела еще что-то сказать, но промолчала.

– А сознайся, что ведь ты веришь-то больше по привычке? – немного насмешливо сказал Николай.

– А хотя бы и так, – вспыхнув, ответила она, раздосадованная тем, что он так верно ее понял.

Немного помолчали.

– Расскажи мне что-нибудь о Москве, – примирительным тоном сказала Эмма. – Здесь так много разных слухов.

Николай начал довольно сухо, но потом увлекся и разгорячился. Тетка от его рассказа пришла бы в ужас.

Эмма слушала внимательно, но недоверчивая и ироническая улыбка не сходила с ее губ. Когда же он с жаром стал говорить о рабочих и даже работницах, с оружием в руках защищавших революцию в Питере, она только спросила:

– Но это должно быть в большинстве – испорченные женщины?

– Ты сама испорченная! – вскричал Николай и быстро встал, намереваясь уйти.

– Постой, – мягко взяла она его за руку. – Не сердись.

Николай не ушел, но сидел молча, – рассказывать больше не стал.

– Что ты читаешь? – спросил он, заметив лежавшую на столе книжку с розовой закладкой.

Она подала ему небольшой томик каких-то рассказов и, как бы извиняясь, заметила:

– Это – еще из маминых. У нас трудно хорошую книгу достать.

– Хочешь, я принесу тебе? – предложил Николай.

– Хорошо, принеси, но только не революционную.

– Как ты предубеждена, Эмма, – засмеялся он.

– Не предубеждена, а не люблю скучных книг. Да и мама будет недовольна.

– Я принесу не скучную, а уж относительно мамы – ладь сама, как знаешь, кажется, ты ведь уж не ребенок.

Он встал и добавил:

– Ну, а теперь я пойду.

– Куда ты пойдешь? – остановила его Эмма. – Смотри, какая темнота. – Ты по здешним горам и дороги не найдешь. Ложись у нас. Я тебе постелю на веранде.

Подумав немного, Николай согласился, но предупредил, что чуть-свет уйдет, так как должен быть на утренней поверке.

– Ты придешь, конечно, к нам на праздник? – спросила Эмма, проводив его на веранду.

– Приду, если ты не имеешь ничего против.

– Не имею, – улыбнулась она, – хотя ты и большевик.

Она повернулась к выходу.

– Эмма! – сказал вдруг что-то вспоминая Николай. – А где твой отчим, Вячеслав Борисович?

При свете колеблющегося пламени ему показалось, что она чуть-чуть вздрогнула. «Сыро... – мелькнула у него мысль. – Какое на ней легонькое платьице!»

– Он... уехал. Он скоро вернется, – торопливо проговорила Эмма и вышла.

Николай остался один. Раздевшись, бросился в постель и спокойно думал о чем-то, докуривая папиросу. Но вскоре глаза его отяжелели, сомкнулись, и он крепко заснул, держа окурочек в руках.

VI

Ночь была светлая, лунная. Сергей сидел в караульном помещении, – он был разводящим. Посматривал валявшийся на столике гарнизонный устав, изредка поглядывая на стенные часы.

– Сколько времени? – спросил его, встряхиваясь от невольной дремоты, караульный начальник.

– Без десяти час.

– Скоро смена.

– Да, уже пора будить.

Он подошел и стал тихонько расталкивать спящих на деревянных топчанах курсантов.

Очередная смена быстро поднялась.

Пошли. Сначала Сергей сменил часового у парадного, потом у бокового выхода, затем у знамени и у оружейного цейхгауза, а потом пошел на задний двор к большим железным воротам, выходящим к тиру и роще.

– Кто идет? – окликнули с поста.

– Смена.

– Наконец-то.

– Что, устал что ли?

– Не устал, а курить охота.

– Ну, теперь можешь, – говорил Сергей, когда часовые сменились. – И сам остался подышать на несколько минут свежим воздухом.

Постоял, потом не торопясь пошел обратно. Обо что-то споткнулся, чуть-чуть не упал и вдруг остановился и замер, прильнувши к стенкам одной из двуколок. – К маленькой железной калитке в углу каменной стены направлялись две тени. Подошли и остановились. Кто-то чиркнул спичкой, и при свете ее Сергей ясно увидел лицо невысокого черного человека с небольшими усиками.

– Осторожней! – послышался негромкий голос другого, стоящего в тени.

И удивленный Сергей услышал, как щелкнул замок и слегка скрипнула дверь отворяющейся калитки.

– Стой! – бросился он вперед, щелкнувши затвором. – Стой! Кто ходит?

– Тише! Свои, – уже повелительно произнес тот же голос.

Лунный луч, прорвавши облако, упал на землю, и Сергей внезапно увидел перед собой начальника курсов.

Сергей стоял в недоумении.

– Чудак! – усмехнулся начальник. – Ведь это же – дежурный по гарнизону.

Сергей посмеялся над своей поспешностью.

Сменившись утром, он рассказал товарищам о своем ночном приключении, и они тоже вдоволь над ним подтрунили.

– Своя своих не познаша.

Стояла теплая ясная погода; было не больше десяти часов.

– Ну, ребята. Я вас поведу на прогулку, – сказал Николай.

– Рано-то так?

– Ничего не рано. Сейчас в роще самая прелесть, – не жарко.

– Ну пойдем, – согласился Сергей, – хотя я, собственно, ночью почти и не спал.

– Э! Спать в такое время, – возразил Николай. – Ты посмотри, что на дворе делается.

Пришлось согласиться.

Они отправились знакомой Николаю дорогой, и через 20 минут были около белого домика.

– Ну вы посидите на той лавочке, а мы сейчас выйдем, – сказал он товарищам.

– Ты недолго! – напутствовали они его.

– Нет, я сию минуту.

«Сия минута» протянулась по крайней мере с полчаса.

Наконец калитка отворилась, и из нее вышла сначала Эмма, потом Николай с каким-то человеком, который попрощался с ним за руку и пошел в другую сторону.

Сергей внимательно глядел вслед незнакомцу.

– Знакомьтесь, – говорил Николай подходя, – Сергей... Сережа!.. – одернул он его.

Сергей машинально подал руку, почти не оборачиваясь.

– Да что ты там интересного нашел? – смеясь спрашивал Владимир.

– Кто это пошел? Вон там.

– Это брат отчима Эммы – Юрий Борисович Агорский. А что? Разве ты с ним знаком или он похож на кого-нибудь? – ответил Николай.

– Да... похож, – пробормотал Сергей.

Во всю прогулку он был задумчив и неособенно внимателен. Николай почти обиделся.

Эмма тоже была немного не в себе, и Николаю показалось даже, что ее глаза чуть-чуть заплаканы.

– Что с тобою? – спросил он, когда они остались немного позади.

– Ничего, – ответила она.

– Нет, «чего». Я ведь вижу.

– Мама нашла у меня твою книгу. Мы с ней и повздорили немного. Из-за тебя...

– И все?

– И все...

Николай весело посмотрел на нее.

На обратном пути Николай стал горячо упрекать Сергея за его непонятную рассеянность, которая портила всю прогулку.

Сергей посмотрел на своих друзей, подумал немного и вдруг не мало удивил их своим ответом.

– А знаете что? – сказал он, – я готов прозакладывать голову против медного пятака за то, что при обходе ночью я видел не дежурного по гарнизону, а этого человека, с которым Николай там у калитки прощался за руку.

– Не может быть!

– Может, если я говорю.

– Но что же это значит? Ведь ты же говоришь, что с ним был начальник курсов.

– А то значит, что у начальника есть знакомства, которые он предпочитает почему-то скрывать.

VII

Разговаривая оживленно и делая всевозможные предположения, они шли рощею, находившейся около курсов, как вдруг Владимир остановился и прислушался.

– Тс... Слушайте! Что это такое?

Та-тара-та-тата-та, – протяжно и едва слышно доносил ветерок со стороны курсов далекий сигнал.

– Уж не тревога ли?

– Нет, – отвечал прислушиваясь Сергей, – тревога подается не так. Это – сбор.

И, прибавивши шагу, торопливо они направились на сигнал.

Еще не доходя, они увидели, как ото всех концов рощи, переполненной гуляющими, торопливо собирались курсанты.

В самом корпусе тоже царило необычайное оживление. Бегали курсанты, суетились капртеры, отворялись цейхгаузы, вещевые, оружейные, продовольственные, а в коридорах спешно строились роты.

Едва только успели наши товарищи встать в строй, как раздалась общая команда: «смирно!», и комиссар объявил, что подчинявшийся до сих пор Советской власти атаман Григорьев выступил внезапно со своими войсками против Украинской Республики. А потому он объявляется предателем и изменником, стоящим вне закона и подлежащим уничтожению. Во исполнение сего, согласно приказу наркомвоена Украины, курсы через четыре часа грузятся в эшелоны и уезжают на новый фронт.

Задание:

– Получить: патроны, подсумки, патронташи, палатки, котелки, фляги.

– Сдать: постели, корзинки, книги, матрасы.

– Погрузить на одни двуколки – хлеб, консервы, продукты; на другие – пулеметы, ленты, цинки.

Сроку – четыре часа.

От оружейного цейхгауза – к вещевому. От вещевого – к продовольственному. С первого этажа – на второй, с первого этажа – на третий.

К сроку все было готово.

Вот уже курсы развернулись перед корпусом, уже окружены толпящимся провожающим народом.

Последнее напутственное слово представителя наркомвоена и – команда.

* * *

Это было тревожное и трудное время. Десятки бело-партизанских банд наполняли Украину. Многие занимались попросту грабежами и разбоями. Но многие, и довольно крупные шайки, под общим руководством Петлюры наносили тяжелые и сильные удары по тылу Украинской Республики.

Пользуясь тем, что лучшие части Красной Армии в то время были оттянуты на далекий восточный фронт, они не всегда прятались по лесам и оврагам, а открыто располагались по селам, хуторам и деревням.

Избегая открытых боев, бандиты часто наносили удары с той стороны, откуда их меньше всего ожидали.

Отличаясь большой жестокостью, они проявляли ее повсюду. Но горе тому из пленников, который, помимо всего, попадал к ним как «коммунист». Только средневековая инквизиция

могла бы придумать те разнородные пытки, которыми сопровождались последние минуты его жизни.

И нигде, никогда, ни один из фронтов Республики не был настолько бессмысленно жесток, как жестоки были атаманы разгульно-пьяных петлюровских банд.

Вот в это время и выступил стоявший на румынской границе командир шестой дивизии или, как он себя величал, «Атаман партизанов, Херсонщины и Таврии» – Григорьев.

VIII

На рассвете невеселого серого утра осторожно подошел эшелон к небольшой березовой рощице. Дальше пути не было, – чьей-то заботливой рукой выброшено несколько шпал и рельс. Выгрузились и принялись за починку.

Первый взвод тем временем направился к ближней деревушке в разведку.

Вышли на опушку, разделились на две партии и разошлись, – обе в разных направлениях.

Над темною пашнею, саженьях в пятидесяти от дороги, кружились и поднимались, кружились и спускались стаи бесшумных темных птиц.

– Лошадь, должно быть!

– Сбегай – посмотри.

Позвякивая котелком глухо, один торопливо с трудом побежал по липкой вспаханной земле.

Вот он остановился, надел шапку на штык и замахал к себе.

– Что там такое?

Свернули, подошли и остановились.

На черной сырой рыхлой пашне, в одном белье, валялись два трупа расстрелянных. Кто они? Разве определишь по этому снесенному до половины черепу или по застывшим стеклянным глазам, был ли то друг или враг?..

Молча пошли дальше.

Вдруг по окраине деревушки быстро промелькнул всадник.

– Сережа... Смотри! – слышались предостерегающие крики. Сергей был старшим в этой партии.

– Вижу... По бугру, в цепь!

Раздались выстрелы.

Вот уже из кучки конных, бросившихся в обход, тяжело рухнули двое. В маленькой цепи курсант Молчанов с удивлением смотрит на расщепанный приклад своей винтовки и капли крови на отяжелевшей руке.

Спешит и торопится на поддержку услышавшая выстрел соседняя разведка.

– Ага, наши!

– Цепь, вперед!

Зачем пригибаться, для чего пригибаться? Это от пули не спасет. Лучше прямо, но скорее, – вперед и вперед. Залп... другой... огонь подбегающей поддержки. И кучка всадников, человек около сорока, с гиканьем скрывается по дороге за деревенькой.

– Ловко для первого раза! – с веселым смехом кричал подбегая Николай.

Сергей улыбался.

– Спасибо, Сержук! – говорил он, пожимая руку старшему соседней разведки. – Во-время поспел, брат!

В деревне Молчанову заботливо перевязали руку.

– Хорошо еще, что в мякоть! – говорил он, бледнея от боли, но все же улыбаясь.

Около деревеньки валялись трое бандитов, рядом бродила оседланная лошадь.

Подобрали винтовки, на колокольню поставили наблюдателя, а на трофейной лошади послали верхового с донесением.

Выяснили, что это был не отряд григорьевцев, а бродячая банда Козолупа.

И эшелон снова помчался вперед.

И вот: на одной стороне – Кременчуг, на другой – Крюков. Ночью, по мосту через Днепр, торопливо прошли подоспевшие курсанты. И во-время: несколько часов спустя город начал наполняться панически отступающими красными партизанскими частями. Курсанты останав-

ливали бегущих и спешно сколачивали в разные отряды. Подошли красные броневики, подошли брошенные против повстанцев еще какие-то курсы, кажется черкасские. И только что рассвело, как по городу загрохотали орудия.

Григорьевцы наступали.

Все утро разговаривали трехдюймовки, сновали броневики и автомобили. Красные части готовились к контр-удару.

Сергей лежал за большим камнем возле углового дома и без устали стрелял по черным точкам. Григорьевцы были поголовно пьяны и наступали остервенело.

– Сережа! У меня осталось только две обоймы, – кричал, сторяча расстрелявший почти все патроны Николай.

– На вот тебе еще три, – кинул из своих тот. – Да ты смотри, даром-то не выпускай.

– Я и не...

Артиллерийский снаряд, попавши в крышу соседнего дома, заглушил его ответ, и белое облако пыли закрыло его от глаз товарищей.

– Коля... Колька! – с опаскою окликнул Сергей.

– ...Я и не выпускаю их даром! – послышался запальчивый ответ.

Выстрелы грохотали повсюду. Где-то далеко на фланге послышалось «ура», ближе... ближе, и покатилося по всем цепям. Красные наступали. К полудню ни в городе, ни за городом уже никого не было. – Разбитые банды убегали, красные их преследовали.

И верные своей партизанской тактике, григорьевцы дробились и расплылись между более мелкими шайками, наводнявшими Украину.

IX

Однажды перед рассветом, рассыпавшись в цепь, отряд курсантов осторожно охватывал деревушку, в которой крепко спали перепившиеся бандиты.

Не доходя с полверсты, цепь залегла, а первая рота, отделившись, пошла небольшой ложиной в обход. Ни разговоров, ни топота. Вот уже в предрассветной мгле показались белые мазанки, и рота беззвучно, чуть не ползком, переменяя направление, залегла поперек дороги.

– Тише! – вполголоса проговорил, взглянув на часы, командир взвода. – Сейчас наши будут наступать. Замрите, и огонь только по свистку.

Прошло десять долгих минут.

– Скорее бы!

– Успеешь, Николай, – шопотом ответил Сергей, – куда ты всегда торопишься... Слышишь?

Еще бы не слышать! Частый тревожный набат с колокольни, потом загрохотавшие выстрелы, и через несколько минут, – конский топот в панике мчавшихся на них бандитов.

Резкий свисток пронизал воздух, и меткий внезапный огонь сделал свое дело. Видно было, как по зелени восходящих хлебов уносились стремительно кучки потрепанной банды.

Деревню охватили. Следовало думать, что захваченные врасплох не все успели убежать, а попрятались тут же, в деревне.

Взошло солнце. Обыск дал хорошие результаты: через полчаса трех человек уже вели к штабу, около церкви.

– Чья банда? – спросил у одного из них комиссар.

– Горленко! – ответил хмуρο, не поднимая глаз, здоровый лохматый детина.

Их заперли в крепкую деревянную баню и поставили часового.

Курсанты разбрелись по хатам и с жадностью закусывали хлебом, молоком и салом.

– Хозяин! – спросил Владимир, – есть у тебя деготь?

– Зачем тебе? – удивился Сергей.

– Сапоги истрескались.

– А пошукай, дэсь було у двори трошки, – ответил нехотя старик, но сам не пошел, очевидно опасаясь оставить избу на солдат.

– Пошукай. Вот чортов старик, где у него тут пошукаешь, – ворчал Владимир, очутившийся на дворе богатого мужика. – Сколько барахла разного навалено. Разве только вон там в углу, – пробормотал он, заметивши под навесом, позади каких-то сломанных ящиков, корзинок и повозок, небольшой бочонок. Но дегтя в бочонке не оказалось, и он хотел уже вылезать, как взгляд его упал на маленький блестящий предмет, валяющийся на полу. Он нагнулся и поднял самый обыкновенный, изогнутый в виде буквы «Г» разрывной капсуль от русской гранаты.

Владимир внимательно и подозрительно осмотрелся. Он заметил под снопом, прислоненной к стене конопля, кольцо от небольшой дверки.

«Ага!» – подумал он и, осторожно выбравшись, быстро побежал к своим.

– Что-то подозрительно! – согласились товарищи, и, захвативши винтовки, отправились во двор.

Они растаскали хлам в стороны, откинули сноп и распахнули небольшую дверку, должно быть от бывшего курятника.

– Эй, кто там?! Выходи!..

Молчание.

– Может быть там никого и нет, – проговорил Николай и, наклонивши винтовку, заглянул в темноту.

Раз!.. два!.. три!.. бахнули один за другим револьверные выстрелы, и из двери стремительно бросилась черная фигура.

Владимир ударил прикладом по голове, а Сергей крепко схватил за руки. Николай же, покачнувшись, неуверенно ухватился за край телеги и, не удержавшись, упал, – он был ранен.

На выстрелы со всех сторон сбежались курсанты. Бандита связали, а Николая осторожно перенесли в избу.

Пойманный нагло смотрел на окружающих. Когда вывернули его карманы, то в них нашли письмо, приказ и желто-голубой значок. – Это был офицер, прежний штабс-капитан, а теперешний атаман, – Горленко.

Николай был тяжело ранен. Пришел фельдшер и установил, что пуля пробила верхушку правого легкого и засела где-то возле лопатки.

...И когда у каменной стены церковной ограды перед отделением курсантов, хмуро опустив головы, встали четыре человека, Сергей холодно и твердо произнес слова роковой команды...

А на другой день, после трехнедельного скитания, эшелон быстро уносил их домой – в Киев.

Запыленные, загоревшие, с маршем прошли возвратившиеся курсанты по городу.

Встреча была устроена торжественная. Даже начальник курсов пробормотал несколько приветственных слов, поздравляя их с благополучным возвращением.

На следующий день были похороны убитых товарищей. Среди огромного скопления народа Сергей на мгновение увидел Эмму. Она внимательно всматривалась в проходящие ряды и, казалось, кого-то искала.

Он был в строю и потому сказать ей ничего не мог.

Х

Николаю сделали операцию и вынули круглую свинцовую пулю.

– Эдакая мерзость застряла, – сказал доктор, взвесивши ее на ладонь. – Сразу видно, что из дрянного револьвера.

Когда Сергей выходил из курсового лазарета, ему передали, что его хочет видеть какая-то девушка.

Он спустился в садик и увидел там Эмму. По ее похудевшему лицу и по беспокойному взгляду не трудно было догадаться, о чем она хочет спросить.

Сергей, не дожидаясь расспросов, рассказал ей все сам.

– Ему теперь лучше?

– Да... Вот что, – добавил он немного подумавши, – вы приходите дня через три, и мы вместе к немуходим.

Эмма ответила благодарным взглядом.

Здоровье Николая начало значительно улучшаться, и через несколько дней он уже мог слегка поворачиваться со спины на бок.

Эмма пришла, как они условились, – после строевых занятий. У входа в лазарет надели белые халаты и прошли к Николаю.

– Мы к тебе сегодня в гости, – проговорил входя Сергей.

Николай радостно взглянул на него.

– И ты пришла? – спросил он Эмму.

– Пришла, – смеясь ответила она.

– А как же дома?

По лицу Эммы можно было видеть, что это обстоятельство теперь беспокоило ее мало.

Сергей вышел, а они долго и оживленно болтали, как хорошие старые друзья.

– Ты изменилась, Эмма, – заметил Николай.

– Может быть, Коля. Я так много думала за последнее время.

– О чем?

– Обо всем! Досадно становится. Жизнь течет так скучно. Кругом что-то делается, кипит, а тут – все одно, все одно и то же. Помнишь, – улыбнулась она, – как ты на меня из-за петроградских работниц рассердился?

– А зачем же ты тогда спорила, – заговорил он после некоторого молчания, – а зачем в церковь... Глупая девочка! – вдруг закончил он мягко, точно большой человек, выговаривающий маленькому ребенку.

Когда они прощались, то Николай крепко пожал ей руку и сказал полусерьезно-полушутя:

– Думай только больше и глубже и обо всем!

– Сначала о тебе, а потом обо всем.

– Почему? – и он мельком поймал ее глаза. Она чуть-чуть улыбнулась, хотела что-то от дверей добавить, но не сказала и вышла.

XI

Был праздник; утром поверки не производились, и многие повставали несколько позднее, чем обыкновенно. Утро стояло жаркое, солнечное, и курсанты разбрелись по роще и садику, прогуливаясь и отдыхая.

Сергей только что направился по направлению к пруду, думая искупаться, как вдруг внезапно по окрестностям покатались торопливые, четкие переливы сигнала «тревога».

«Это – уже не сбор», – мелькнуло у него в голове. И он стремительно помчался наверх к пирамидам с винтовками.

Никто ничего не знал, только командир батальона громовым голосом кричал: «Строиться... быстро!» И почти что на-ходу построившимся курсантам подал команду: «За мной бегом марш».

Вот и знакомая роща, налево – насыпь, город кончается, что это такое?

– По окраине города от середины в це-епь!

Запыхавшиеся курсанты быстро рассыпаются, тархтит по земле пулемет.

Вот оно что! Во весь опор мчатся на курсантов какие-то всадники, и быстро снимается с передков чья-то батарея.

– Ого-онь! – раздается команда.

И цепь, опередившая в развертывании на несколько минут неизвестного противника, жжет его огнем своих пуль.

Кто-то падает, тщетно пытается изготовиться к выстрелам батарея. Поздно! – слишком силен огонь курсантов.

– Прекратить стрельбу! Сдаются!

И цепь, бросаясь вперед, завладевает батареями загадочного противника.

– Кто же это? – слышатся недоумевающие голоса победителей.

И вдруг от края до края что-то быстро передается и перекачивается по цепи, и через минуту у всех на устах: «Багумский полк восстает», «Багумский полк – изменник».

Сергей хмурит брови, он начинает понимать, в чем дело. 9-й Багумский полк, – полторы тысячи человек, – самая крупная единица гарнизона.

– Дело – дрянь! – решает вслух он.

– А что?

– Полк большой, и если он серьезно заражен петлюровщиной, справиться будет трудно.

Захваченные орудия поставили на плацу, подходы к корпусу заняли сильными караулами.

Всю ночь собирались надежные части гарнизона – 6-е, 4-е, 5-е курсы, кавалерийские, а также мелкие партийные отряды. В девять часов утра полк выступил, к девяти ему предъявлен ультиматум – сдать оружие...

Киев точно вымер, по улицам извивались цепи, по углам к земле прикикли пулеметы.

Еще несколько минут до срока. На автомобиле подъехал наркомвоен Украины и взглянул на часы. И почти в то же время вместо ответа с той стороны первую лентою резанул пулемет.

Наркомвоен привстал, рукой облокотившись на стенку машины, и подал сигнал.

И через головы притаившегося Киева батарея с ревом забила по Бендерским казармам.

Перестрелка на улицах длилась очень недолго, со стороны восставших выстрелы стали вскоре стихать.

Сергей бежал одним из первых по Керосинной улице и, завернувши за угол, он увидел спины поспешно убегающих багумцев и выкинутый белый флаг.

– Ага – сдаются!

И по улицам, до автомобиля наркомвоенна доносится весть, что багумцы сдаются.

– Схватились все-таки, – говорит он.

И приказывает прекратить огонь.

Без артиллерии закончить начатую измену полк не смог, сдался, был обезоружен и расформирован в тот же день.

К вечеру все было уже спокойно и тихо. Еще днем привычный киевлянин сначала робко высунулся на двор, потом показался на улице. И не найдя там ничего угрожающего своей особе, вздохнул с удовольствием и восхищением.

XII

Восстание не удалось, но обнаружило, что в частях гарнизона не все благополучно.

А кругом, почти под самым городом, бродили мелкие шайки. Слабые красные части понемногу, но постоянно отступали. Подходил Деникин к Екатеринославу, а Петлюра и Галлер уже поглядывали на Жмеринку.

Теперь возле курсов по ночам стояли сильные посты и ходили патрули.

Однажды Сергей сидел и писал домой:

«Я посылаю вам третье письмо, но ответа до сих пор не получил. Знаю, конечно, что не ваша это вина, а все-таки досадно. За меня не беспокойтесь, я доволен своей жизнью и своим положением как раз настолько, насколько вообще может быть доволен человек. Работы серьезной и ответственной у курсов очень много, и я целиком ушел в нее. Производство в красные командиры я должен получить в сентябре, но поговаривают, что нас выпустят и раньше. Если все будет благополучно, то заеду тогда домой».

Окончил письмо, запечатал его в конверт и хотел спуститься вниз, как вдруг в комнату вбежал запыхавшийся Владимир, а за ним следом Николай.

– Дело есть, Сергей.

– Тут брат кругом какая-то чертовщина твориться начинает.

– В чем же дело?

– Сегодня я стоял на дневальстве. Когда сменился, захватил книгу и улегся под кустом в роще. Кругом – никого, вдруг слышу шаги, гляжу – начальник. Я вспомнил про твои, Сергей, подозрения. Куда, думаю, его чорт несет? И тихонько за ним. А он возле крайней дороги у овражка встретился с тем самым человеком.

– С Агорским? – живо спросил Сергей.

– Да! Передал ему довольно большой синий сверток и сказал несколько слов. А затем пошел как ни в чем не бывало на курсы к артиллеристам.

– Странно что-то!

Друзья задумались.

– Знаете что? – сказал Сергей. – Тут дело не чисто. Возможно, что он передал ему какие-нибудь сведения. А затем прошел дальше действительно по делам к артиллеристам, чтобы скрыть следы своей отлучки. Надо потолковать с комиссаром.

Вместо заболевшего и несколько тяжелого на подъем прежнего комиссара теперь на курсы был назначен другой, молодой еще, умный и энергичный летчик Ботт.

Пошли к нему и рассказали все с самого начала.

– Вот что, товарищи, – сказал он. – Если арестовать Сорокина, то пожалуй никаких улик не найдется, а предупрежденные сообщники скроются, и дело будет закрыто. А кроме того, на чем в сущности основаны все эти подозрения? Ведь неловко, право, будет, если между ними просто какие-нибудь личные дела.

– Сверток бы достать! – сказал Владимир.

– Я попробую! – промолвил все время молчавший Николай.

– Ты! Каким образом?

– Это уже мое дело, – коротко ответил он. И быстро вышел.

ХІІІ

То время, когда Николай поправлялся от полученного ранения, было временем еще более тесного и дружеского сближения с Эммой. Пользуясь привилегией больного, он встречался с ней каждый день. По вечерам с товарищами собирались вместе в красивом оживленном клубе. Один раз даже побывали в театре. Николай видел в Эмме теперь близкого и надежного друга. Вот почему Николай, во время разговора с Боттом быстро взвесив положение вещей, бросился к Эмме. Он вызвал ее в рошу.

– Что случилось? – тревожно спросила она.

– Случилось что-то скверное, Эмма. И я рассчитываю только на твою помощь.

– Чем я могу помочь? И в чем?

– Слушай, Эмма! Мы много говорили обо всем с тобой и кажется хорошо друг друга поняли. Теперь ты должна постараться помочь нам разрешить одну задачу.

– Что же такое?

– Твой отчим – белый офицер.

Эмма вздрогнула, чуть-чуть даже отшатнулась от него и побледнела.

– Как! Ты знаешь?

– Знаю! Я давно об этом догадался... А его брат, кажется, шпион, – резал Николай.

– Юрий Борисович? – и она посмотрела на него большими, удивленно испуганными глазами.

– Слушай меня внимательно, – продолжал он. – Сегодня к нему попали какие-то бумаги, и ты должна постараться во что бы то ни стало достать их, если еще не поздно, – твердо проговорил он.

Она несколько раз взволнованно порывалась перебить его. Николай продолжал неумолимо:

– Эмма! От этого, может быть, зависят сотни и тысячи жизней честных и преданных своему делу людей. Эмма! Мы много с тобой говорили, теперь тебе надо решить, с нами ты или нет. Этот шаг будет бесповоротным. Эмма! – добавил он вдруг другим голосом, – сделай, пожалуйста, если сможешь. Это для нашего дела и... для меня.

После долгого молчания Эмма тихо ответила:

– Но если я и достану, то как же я тебе передам сегодня, не отлучаясь от дома?

– Я буду ждать до поздней ночи возле снопов соломы, в вашем огороде, и ты перебросишь их тихонько через плетень.

...

Чай пили дома, потому что на дворе хотя и тепло было, но собирались тучи.

Пришел и Юрий Борисович, быстро сбросил на вешалку возле веранды пальто и спросил, проходя в глубь комнаты:

– Чай есть? Ну хорошо, дайте мне чего-нибудь закусить поскорее, потому что мне скоро бежать по делам.

Все уселись за стол. Старухи болтали. Агорский с жадностью ел жаркое. Эмма разливала чай и напряженно думала: «Сверток верно большой, в карман френча не войдет, должно быть в пальто». – И в голове уже мелькал план.

Тучи сгустились, послышался далекий еще отзвук грома.

– Мама! – громко сказала, вставая, Эмма. – Сейчас пойдет дождь, пожалуй белье замочит в палисаднике.

– Ах ты, боже мой! правда, беги скорей, Эммочка, и тащи сюда.

Эмма торопливо вышла. Вот и вешалка, вот и одежда; она торопливо ощупывает карманы, один из них оттопыривается от плотно засунутого свертка. – Здесь!

Она быстро срывает свое пальто, Агорского, прихватывает чей-то чепчик и бежит к плетню.

– Николай! Коля!

– Здесь.

– Держи! Уноси все скорее, – бумаги в кармане.

И перебросивши изумленному Николаю всю грудку одежды, она быстро подбегает, распахивает калитку и, схвативши кое-как с веревок белье, бросается в комнаты. В ту же минуту капли крупного дождя забарабанили по крыше.

Юрий Борисович морщится, – придется переждать дождь.

Через полчаса гроза прошла, но стало уже совсем темно:

– Ну, я пойду, – сказал Агорский, вставая.

Едва сдерживая волнение, следит Эмма за тем, как направляется он к вешалке. И слышит оттуда через минуту встревоженный голос:

– Марья Сергеевна, вы не брали моего пальто?

– Нет, – удивленно отвечает та.

Агорский быстро выбегает на пустую улицу... Но кругом темно, тихо, ничего не видно и не слышно.

Воры скрылись.

XIV

Запыхавшись, порядком измокший, бежал Николай со своей увесистой и – главное – неудобной поклажей. Инсценировка кражи, по-видимому, удалась как нельзя лучше.

Вот и курсы, но отчего там сегодня так темно? Должно быть электричество наверху попортилось.

Он постучал в крепкую дубовую дверь. Сначала отворилось небольшое окошечко, и выглянувшая голова спросила: «Кто идет?» – потом зазвенела цепь, дверь приоткрылась, и он вошел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.